

Высоцкий, каким он был

Наша газета в № 2 за этот год опубликовала отрывки из книги Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет». Что думает о своей книге сама актриса? Как она оценивает творческую судьбу и личность видного советского поэта? Об этом идет речь в перепечатываемом нами интервью.

«ФРАНС—ЮРСС МАГАЗИН», ПАРИЖ.

МАРИНА ВЛАДИ опубликовала книгу «Владимир, или Прерванный полет». Она написала ее, как письмо мужу, умершему в 1980 году. Письмо Владимиру Высоцкому.

«Конечно, ты этого не говоришь. Маленькие фразы и слова, связанные друг с другом мостиком времени, я постепенно отбираю их, извлекаю из разговоров с тобой. В них—12 лет откровенных бесед, криков души, нежных признаний и внутренних мук, рвущих сердце. И все это есть почти в каждой твоей песне».

Вот так и пишет Марина Влади. Это маленькие рассказы, иногда забавные, иногда неистовые, порой нежные, но фон их всегда трагичен. Потому что это письмо — одно из тех, какие пишут, когда уже слишком поздно, какие пишут, чтобы ответить себе на вопрос: как этот маленький человек, весь ушедший в себя, сумел прожить все эти жизни, переложить их в песни и добиться того, что они стали существовать уже сами по себе...

— Выход Вашей книги во Франции совпал с присуждением Высоцкому Государственной премии СССР 1987 года. Изданы пластинки и сборник его стихов — через семь лет после его смерти. Не поздно ли?

— Я испытываю двойственные чувства. Я очень горда тем, что он получил эту премию. Но он получил ее посмертно, и это немного горько. Я также счастлива, что издали 250 его стихотворений, но вместе с тем считаю, что это слишком мало. Большинство не знает, что он написал около 800 произведений. Половина еще совершенно неизвестна, не издана: стихи, проза, рассказы... Так что, поскольку сейчас говорят, что он был великим поэтом своей эпохи, надо все опубликовать. Я сейчас как раз борюсь за издание всех его сочинений.

— При его жизни ничего не публиковалось?

— Нет. Именно об этом я рассказываю в книге: все перипетии его жизни, проблемы, схватки с цензурой и что-то вроде стены молчания, на которую он постоянно наталкивался как поэт.

Я не говорю о нем как актере. В этом качестве он был признан. Театр на Таганке был самым популярным из московских театров, при том, что, не стоит забывать, из каждых трех пьес его репертуара две запрещались. Прежде всего я говорю о его деятельности как поэта, автора, композитора, исполнителя. Об этом царил полное молчание. Из всех песен, какие он написал, примерно 20 были выпущены на пластинках, и все.

— А теперь? Не слишком ли увлекаются, воздавая ему почести?

— Все, что он сделал, что сказал, вся его борьба — все было направлено на одну цель: приблизить то, что происходит сегодня, точнее, начинать происходить. Естественно, он стал героем, снова призванным в строй, с его откровенностью, привычкой ставить точки над «i», называть вещи своими именами... Что я считаю «слишком» — это то, что из него сейчас пытаются делать миф, представляя его добродетельным патриотом, благопристойным молодым человеком, уклады-вающимся в существующие рамки. Таким он тоже не был.

— Как Вашу книгу приняли в Советском Союзе? Думаете ли Вы, что ее там переведут?

— В этом плане у меня есть уже предложение, совершенно официальное, оно сейчас обсуждается. Я думаю, что результат будет положительным. (В конце января советская печать сообщила, что книга М. Влади выйдет в издательстве «Прогресс».—Ред.) Несомненно, будут обсуждаться некоторые детали, скорее в отношении формы, чем содержания. В содержании я ничего не хочу менять. Но что касается формы, можно, конечно, найти более мягкие выражения, чтобы не слишком шокировать читателей. Это верно, что стиль у меня очень прямой. Но у меня совершенно нет желания провоцировать. Я хочу единственно, чтобы люди узнали Высоцкого таким, какой он был в личной жизни и в творчестве, не обходя также

Марина Влади и Владимир Высоцкий при посещении общества «Франция—СССР» в Париже в октябре 1977 года.

Фото «Франс—ЮРСС магазин», Париж.

и темные стороны этой жизни. Он много, много страдал. Об этом я обязательно должна сказать.

По меньшей мере двадцать советских изданий просили у меня отрывки. Я отказала, потому что я не хочу разбивать книгу. Я работала над ней два года, и для меня очень важна ее цельность. В переводе я тоже собираюсь участвовать. Хочу непременно, чтобы книга эта осталась тем, что она есть, сохранить ее тон, очень сдержанный и в то же время довольно жесткий, а иногда даже резкий.

Напишу также и предисловие для советских читателей, чтобы они хорошо понимали, почему я рассказывала все это, — ведь в разговорах с некоторыми людьми, прочитавшими уже книгу по-французски, я обнаружила, что они просто шокированы некоторыми вещами, потому что они либо совершенно ничего о них не знали, либо не могли себе такое представить.

— Похоже, что Вы низвергаете кумира...

— В моем отношении нет ничего принижающего его личность. Когда я говорю о его алкоголизме, о его пьянках, я единственно хочу показать, насколько он был раним, насколько он был несчастным человеком. И он был человеком, как все, — ни святым, ни героем. В том и заключалась его гениальность, что он мог говорить обо всем, о человечестве, и в его песнях каждый находит что-то из своей собственной жизни. В этом все чудо.

— И это то, что теперь осталось нам после него?

— Да, конечно. Его творчество живет, и люди будут все больше и больше открывать его. Еще не осознали, каким большим поэтом он был. Когда будут опубликованы все его тексты, о нем станет известно все, настолько полно он писал о своих страданиях, заботах, тревогах.

— Ваша книга также является и документом о жизни в СССР?

— Безусловно. Некоторые критики увидели здесь прежде всего любовную сторону, идиллию через «железный занавес». Верно — это была необычайная любовная история, но не только.

Есть и анекдотические моменты о трудностях повседневной жизни в Москве, но об этом все уже рассказывали. Зато я рассказываю о том, что менее известно: об интеллектуальной жизни той эпохи, непрерывном кипении искусства, творчества, и то, что происходит сегодня, зарождалось тогда.

— Кроме того, существовал удивительный по сплоченности круг друзей.

— Жизнь в Москве была необычайно насыщенной, там есть чудесные друзья и существует такой тип отношений, какого не увидишь больше нигде. Во Франции вы не найдете человека, который был бы способен всю ночь выслушивать ваши излияния только потому, что вам тоскливо. Там же люди слушают друг друга. Конечно, объясняется это и трудностями жизни, необходимостью помогать друг другу. Но тем не менее качество этой дружбы совершенно потрясает.

— Почему Вы не написали эту книгу раньше?

— Я не смогла бы. Знаете, я уже очень много намучилась с ней. Два года я провела в тоске, меня охватывало отчаяние — писать ведь очень трудно. Вначале я собиралась создать более легкий, более блестящий портрет. Но затем память,